

Тема обучения детей с ограниченными возможностями здоровья в России стала получать реальную поддержку лишь в последние четыре года. Тема «неудобная» ни для властей, ни для школ, ни даже порой для самих родителей таких детей. Быть может, нехватка информации в том числе, тормозит развитие этого направления в системе образования? Наиболее острые вопросы инклюзивного образования мы обсудили с Марией Юрьевной Перфильевой, менеджером проектов по образованию Региональной общественной организации инвалидов «Перспектива».

Образование для всех: тема, «неудобная» для властей, для школ и даже для родителей

— Мария Юрьевна, как складывается ситуация с инклюзивным образованием в школах России?

— Инклюзивное образование в нашей стране как форма обучения не явля-

ется зарегистрированной в правовых документах, в самом законе «Об образовании» такой формы обучения не существует. Пока не существует. В ближайшее время это законодательство будет пересматриваться в связи

с тем, что Россия подписала в 2008 году Конвенцию о правах инвалидов, в которой (ст. 24) говорится о том, что государство должно поддерживать и развивать инклюзивное образование и инклюзивное общество. Федеральное законодательство не запрещает обучаться детям-инвалидам по месту жительства в обычных общеобразовательных школах, но как тип обучения это нигде четко не прописано, не выделено. Единственное, чем сейчас можно поддержать инклюзивное образование как вид обучения, это рекомендательное письмо, подписанное министром образования и науки РФ А. Фурсенко, направленное в субъекты Федерации и органы муниципального образования, в котором говорится о формах обучения детей с инвалидностью, как то: интегрированное, инклюзивное.

«Инклюзивное образование в нашей стране как форма обучения не является зарегистрированной в правовых документах, в самом законе «Об образовании» такой формы обучения не существует».

Согласно этому письму субъекты сами могут разрабатывать и внедрять методики по обучению таких детей, но поскольку у нас школьное образование передано на муниципальный уровень, то местное самоуправление начинает упираться и говорить, что нет денег, ресурсов и т.д. Хотя при этом они не имеют права отказать в приеме в школу ребенку-инвалиду. Все это осложняет развитие инклюзивного образования в России.

На сегодня мы работаем с 25 российскими регионами в рамках национальной коалиции «За образование для всех!». В регионах это либо общественные орга-

низации инвалидов, либо организации родителей детей с инвалидностью, либо это иные общественные организации, поддерживающие развитие инклюзивного образования.

Пока, можно сказать, инклюзивное образование развивается точечно. Есть большие подвижки в этом направлении в республике Коми, где в городе Ухта инклюзия поддержана и местной администрацией, и органом образования, но пока только в одной школе. В Самаре, например, в законодательном собрании города тоже рассматривается закон об инклюзивном образовании. В Бурятии, в Улдан-Удэ — две школы с инклюзивным образованием.

В Москве инклюзивное образование получило развитие года четыре тому назад относительно массово в рамках проекта «Стремление к инклюзивной жизни». Сейчас создана так называемая инклюзивная вертикаль, куда входят детские сады, школы, центры психолого-педагогической коррекции и одна коррекционная школа с учителями, у которых есть большой опыт работы с детьми с особыми потребностями. Эта инициатива поддерживается через городскую экспериментальную площадку, проект, который получает финансирование из городского бюджета, от Департамента образования, но это пока эксперимент.

Но если в Москве такие школы поддерживаются за счет бюджета, то в регионах — за счет общественных организаций, и как только их поддержка заканчивается, сразу все стихает.

«Органы местного самоуправления не имеют права отказать в приеме в школу ребенку-инвалиду».

Несмотря на то, что существует статистика (довольно стандартная) по количеству

детей-инвалидов в стране, никто не знает реальной ситуации, реального количества детей-инвалидов. И, как говорят специалисты, это «дикая инклюзия». Им не оказывается поддержки в должной мере при обучении, и эти дети просто находятся в классе, но никто не принимает во внимание их особенностей, никому они не нужны.

Что касается коррекционных школ, то в них попадают дети, которые, в общем-то, могли бы учиться в обычной школе, но родители отдают их в коррекционные. Это проще, и классы там меньше, и, значит, внимания к ребенку больше. С другой стороны, известны примеры, когда в школу попадает ребенок с очень серьезными отклонениями, например синдромом Дауна. В таких коррекционных школах он просто сидит в классе, и что с ним дальше делать школа не знает. А так как в школе «подушевое» финансирование, за каждого ученика начисляют деньги, и как бы это ужасно не прозвучало, для этой школы такие дети — способ заработка.

Несмотря на это, ситуация немножко начинает выправляться. Отношение самих родителей таких детей к обучению их ребенка меняется. Многие родители уже не хотят, чтобы их дети учились в коррекционных школах или интернате. Но самое главное, что есть некий тренд, например, с 2010 года будет принята пятилетняя программа по финансовому обеспечению доступности школ для детей-инвалидов, и президент в Послании Федеральному Собранию говорил об этой проблеме — все это большой шаг вперед.

— Как в мире решаются проблемы инклюзивного образования?

— Наиболее успешно решаются вопросы с инклюзивным образованием в Италии. В свое время они просто закрыли в стране

все коррекционные школы. После чего дети пошли в общие школы, массовые. Начались проблемы, учителя просто «взвыли», никто не знал, как их учить и что делать. Когда мы изучали их опыт, выяснилось, что первое время они не ставили перед собой вопрос улучшения качества образования, сначала налаживали взаимосвязь ребенка со школьным сообществом, занимались включением ребенка в жизнь школы, решали вопросы социализации и т.д. И на сегодня такая система инклюзивного образования в Италии работает прекрасно. Ну и, конечно, в обществе созданы соответствующие условия, и в целом отношение общества другое.

В Великобритании, например, разные виды обучения детей с особенностями развития. Там есть специальные школы, например для детей с аутизмом. Обычные школы, где обучаются разные дети и используются разные системы преподавания.

Вообще, надо сказать, что на Западе, особенно в Америке, дети, пользующиеся инвалидной коляской или незрячие, неслышащие, инвалидами не считаются. Только дети с отклонениями в интеллектуальном развитии считаются инвалидами. Это проблема, все остальное — вопрос создания условий в школе, общественных местах и т.д.: пандусы, подъемники, специальные компьютеры, книги и т.д. Так что дети даже с очень сложными физическими отклонениями, но с сохранным интеллектом включаются в учебу достаточно легко при создании таких вот определенных условий.

«На Западе, особенно в Америке, дети, пользующиеся инвалидной коляской или незрячие, неслышащие, инвалидами не считаются».

В Канаде тоже очень хорошо развито подобное обучение, специальная педагогика. Кстати, сам термин «инклюзивное образование» пошел именно из Канады. Хотя нельзя сказать, что при этом инклюзивное образование для Канады явление массовое: в одной провинции есть, в другой нет. Но зато есть все возможности для родителей, которые захотят отправить детей учиться в общую школу.

В Финляндии и Германии несколько иные модели. В Германии, например, есть частные инклюзивные школы. Это то, чего нет у нас.

В США — четкая государственная система школ, где учатся все дети. Причем школы, где осуществляют программу инклюзивного образования, получают больше финансирования, чем школы, где нет таких программ.

Вообще в Европе и в мире инклюзивное образование развивается уже порядка 30 лет, это направление получило развитие на волне защиты прав инвалидов. У нас в стране пока не очень понимают то, что ребенок-инвалид имеет право на образование, как и все дети.

Западный метод обучения таких детей базируется на самом деле на предельно простых правилах: любить детей и прилагать усилия к их обучению и развитию.

— *Как должен осуществляться отбор детей для обучения на дому, в специальной или общеобразовательной школе?*

— А почему он вообще должен осуществляться? Да, существуют сопутствующие школам структуры, как то: психолого-медико-педагогические комиссии (ПМК), которые в принципе должны давать рекомендации по обучению такого ребенка. Но на самом деле они ведут себя гораздо проще, чаще всего они сразу говорят родителям,

что их ребенка можно отправить только в коррекционную школу.

Надо сказать, что статус «ребенок-инвалид» — это когда у него есть справка об этом. Есть дети с очень большими особенностями, которые не имеют этого статуса. Это дети, у которых интеллектуальные особенности, психические заболевания, например дети с синдромом дефицита внимания и т.д. Формально такие дети считаются здоровыми, но сдача, например, ЕГЭ, для такого ребенка, равносильна подвигу. Да и само понятие «необучаемый», которые такие комиссии ставили как диагноз, был отменен всего года четыре назад...

Что касается такой формы, как обучение на дому, то по состоянию здоровья и при наличии медицинской справки так может обучаться любой ребенок и не инвалид тоже. Но часто, так как многие школы не приспособлены, в том числе архитектурно, большое количество детей с сохранным интеллектом, но с опорными проблемами обучается на дому.

— *Где должны проходить переподготовку педагоги, в класс которых поступает особый ребенок?*

— Инклюзивное образование должно осуществляться при психолого-педагогической поддержке обучения и при поддержке и развитии самих учителей. Конечно, оставлять неподготовленного учителя один на один с таким ребенком неправильно. О системах переподготовки учителей мне проще говорить на примере Москвы, здесь о таких системах я лучше и больше знаю. Изначально повышение квалификации для учителей по работе с такими детьми проходило на базе Московского института открытого образования, там сильная кафедра коррекционной педагогики, им давали специальные навыки коррекционных педагогов.

«У нас нет специалистов, которые могли бы обучать учителей для инклюзивных школ, кроме действующих учителей с опытом такой работы».

Но сейчас назрела необходимость в практике не только коррекционных педагогов, которые исходят из того, чего ребенок делать не может, а как раз в практике, исходящей из того, что ребенок может делать и делать в массовом классе. Таких систем у нас пока нет, но одна из них создается сейчас на базе Московского городского психолого-педагогического университета, там создан городской ресурсный Центр по инклюзивному образованию. В этом году они открыли Институт инклюзивного образования, где подготовка и переподготовка учителей пойдет именно в этом ключе — как преподавателей для инклюзивных школ. И им, конечно, будут давать знания и по коррекционной педагогике. Но тут существует своя проблема: нет специалистов, которые могли бы обучать учителей для инклюзивных школ, поэтому многие занятия ведут практики, действующие учителя, которые работают с детьми-инвалидами. Есть в Москве известная школа «Ковчег», где уже 13 лет работают замечательные педагоги в этой области, конечно, у них колоссальный опыт. Но то, чего не даст, возможно, переподготовка учителю, но что обязательно надо включать в такие курсы, — это создание культуры инклюзии, создание инклюзивного пространства в школе. У нас не может так быть, что один класс инклюзивный, второй нет, а школа тогда какая?.. Как это сделать — пока вопрос.

Кроме этого, в Москве часть учителей и директоров школ при поддержке нашей общественной организации, при поддержке программ Департамента образования по-

сещали школы Норвегии, Словении, Армении, чтобы посмотреть и что-то перенять для своих школ. Мы со своей стороны стараемся находить средства, чтобы привозить к нам зарубежных специалистов и устраивать семинары, видеоконференции и т.д.

Хочу отметить, что наши учителя сами используют творческий подход к обучению детей с инвалидностью. Мы часто бываем в школах на уроках с такими детьми и видим, какие хорошие методики учителя придумывают, чтобы мотивировать ребенка.

«То, что мы часто слышим о нетерпимости детей к своим сверстникам-инвалидам, — это стереотипы взрослых».

Но учителя «зарегулированы» всевозможными правилами и нормами, много всяких препятствий. Например, в классе ребенок левша, откуда должен падать свет? С правой стороны. И учителя ставят ему отдельную лампу с правой стороны. Появляется санэпидемстанция, говорит, что нарушены СанПиНы, в которых прописано, что свет должен падать слева. И вот таких вещей, которые надо пересматривать, много, поэтому надо дать учителю больше полномочий.

— Как объяснить одноклассникам ребенка-инвалида вопросы терпимости?

— Я не видела ни в одной нашей школе, хотя могу и ошибаться, ни одной программы по разрешению конфликтов между детьми. А конфликты есть, и это тоже моменты, которые связаны с адаптацией и обучением. Поэтому так называемые «уроки доброты» — это как раз занятия на понимание инвалидности в школе. Дети начи-

нают лучше относиться даже к тем своим сверстникам, которые не имеют инвалидности, но чем-то отличаются, и климат в школе становится лучше. К слову, то, что мы часто слышим о нетерпимости детей к своим сверстникам-инвалидам, — это стереотипы взрослых. Опыт показывает, что при обучении в детских садах в смешанных группах, например, никаких проблем не возникает в общении детей. Никаких физических недостатков или особенностей во внешности и развитии дети не замечают. И если взрослые сами не будут акцентировать внимание здоровых детей на таких особенностях их сверстников, то проблем и не будет.

Почему такое неприятие наблюдается в среде взрослых? Почему родители здоровых детей зачастую не хотят, чтобы с их ребенком учились дети-инвалиды? Они боятся. А что может сделать ребенок-инвалид, например, с синдромом Дауна их ребенку? Поэтому учителям нужно рассказывать и взрослым и детям, что это за болезнь такая, что она не заразная, что эти дети по натуре такие, да, они никогда не будут знать алгебру, но они могут быть успешными в чем-то другом и бояться их не надо. Наличие в классе ребенка с какими-то особенностями зачастую, наоборот, улучшает ситуацию в коллективе. Если остальные дети видят, что девочка на коляске прикладывает определенные усилия для того, чтобы отвечать урок, другие дети начинают тянуться следом, думать: «а я-то что?..». То есть на успеваемость негативно не влияет наличие ребенка с особенностями в классе, даже наоборот. Чтобы изменить отношение к таким ученикам, помимо «уроков доброты» мы часто проводим для учителей семинары по пониманию инвалидности, по принципам инклюзивного образования.

Но, конечно, проблема нетерпимости есть, и она нарастает. Если в школу с таким ребенком приходит новый учитель, он мо-

жет принести и свое отношение, если новый ученик — то же.

— *Какие образовательные стандарты использовать для оценки знаний детей, с трудом говорящих и не умеющих даже ручку в руках держать?*

— Что значит, если ребенок не может держать ручку, то он не может включиться в учебу? Дайте ему компьютер, придумайте еще какой-нибудь вариант, как можно давать ему задание, пусть он не пишет, а отвечает, займите ребенка с учетом его особенностей. Какие могут быть стандарты для таких детей? Приняты у нас стандарты, например, для младшей школы, есть программа для общеобразовательной школы и есть критерии соответствия уровня образования ребенка этой программе. Точно так же есть стандарт программы коррекционных школ. Но дети могут «не брать» и эту программу! И что тогда делать? Ответственно специалисты и педагоги, которые занимаются с такими детьми, рекомендуют разноуровневые стандарты, высокие и пониженные.

У нас, вообще-то, необходимость придерживаться стандартов сильно сдерживает развитие любого ребенка, как это ни странно. «Ребенок должен «брать» программу!» Кто это сказал? Почему он должен ее брать? Но он должен и все! Потому что с этим связана оценка деятельности учителя.

Например, за рубежом такие дети по окончании школы получают аттестат по своей программе обучения, где по особой системе оценивается их подготовка, дальше они могут пойти либо в технический колледж, либо в университет, а могут сразу на работу, так как там есть программа обучения на рабочих местах. У нас ничего этого нет.

■ Интервью подготовила **Е. Терешатова**